

Про серебряное блюдечко и наливное яблочко

У мужика с женой было три дочери: Две -- нарядницы, затейницы, а третья -- простоватая; и зовут ее сестры, а за ними и отец с матерью -- дурочкой.

Дурочку везде толкают, во все помыкают, работать заставляют; она не молвит и слова, на все готова: и траву полет, и лучину колет, коровушек доит, уток кормит. Кто что ни спросит -- все дура приносит: "Дура, поди! За всем, дура, гляди!"

Едет мужик с сеном на ярмарку, обещает дочерям гостинцев купить. Одна дочь просит: "Купи мне, батюшка, кумачу на сарафан". Другая дочь просит: "Купи мне алой китайки". А дура молчит да глядит. Хоть дура, да дочь; жаль отцу: -- и ее спросил: "Чего тебе, дура, купить?" Дура усмехнулась и говорит: "Купи мне, свет-батюшка, серебряное блюдечко да наливное яблочко". "Да на что тебе?" -- спрашивают сестры. "Стану я катать яблочком по блюдечку, да слова приговаривать, которым научила меня прохожая старушка за то, что я ей калач подала". Мужик обещал и поехал.

Близко ли, далеко ли, мало ли, долго ли был он на ярмарке, сено продал, гостинцев купил: одной дочери алой китайки, другой кумачу на сарафан, а дуру серебряное блюдечко да наливное яблочко; вернулся домой и показывает. Сестры рады были, сарафаны пошили, а на дуру смеются да ждут, что она будет делать с серебряным блюдечком, с наливным яблочком. Дура не ест яблочко, а села в углу, приговаривает:

-- Катись-катись, яблочко, по серебряному блюдечку, показывай мне города и поля, леса и моря, и гор высоту и небес красоту!

Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке все города один за другим видны, корабли на морях и полки на полях, и гор высота, и небес красота. Солнышко за солнышко катится, звезды в хоровод собираются... Так все красиво, на диво, что ни в сказке сказать, ни пером написать! Загляделись сестры, а самих зависть берет: как бы выманить у дуры блюдечко; но она свое блюдечко ни на что не променяет.

Злые сестры похаживают, зовут-подговаривают: "Душенька сестрица! В лес по ягоды пойдем, землянички наберем". Дурочка блюдечко отцу отдала, встала да в лес пошла; с сестрами бродит, ягоды собирает и видит, что на траве заступ лежит. Вдруг злые сестры заступ схватили, дурочку убили, под березкой схоронили, а к отцу поздно пришли, говорят: "Дурочка от нас убежала, без вести пропала; мы лес обошли, ее не нашли: видно, волки съели!" Жалко отцу: хоть дура, да дочь! Плачет мужик по дочери; взял он

блюдечко и яблочко, положил в ларец и замкнул; а сестры-то слезами обливаются.

Водит стадо пастушок, трубит в трубу на заре и идет по лесу овечку отыскивать. Видит он бугорок под березкой в стороне, а на нем вокруг цветы алые, лазоревые, над цветами тростинка. Пастушок молодой срезал тростинку, сделал дудочку, а дудочка сама поет-выговаривает.

"Играй-играй, дудочка! Потешай света-батюшку, мою родимую матушку и голубушек сестриц моих. Меня, бедную, загубили, со света сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко!" Люди услышали, сбежались, вся деревня за пастухом идет, пристают к пастуху, выпрашивают: кого загубили? От расспросов отбою нет. "Люди добрые! -- говорит пастух. -- Ничего я не ведаю. Искал я в лесу овечку и увидел бугорок, на бугорке цветочки, над цветочками тростинка; срезал я тростинку, сделал себе дудочку -- сама дудочка играет, выговаривает". Случился тут отец дурочки, слышит слова пастуха, схватил дудочку, а дудочка сама поет:

"Играй-играй, дудочка, родимому батюшке, потешай его с матушкой. Меня, бедную, загубили, со света сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко".

"Веди нас, пастух, -- говорит отец, -- туда, где срезал ты тростинку". Пошел за пастухом он в лесок, на бугорок, и дивится на цветы, алые, лазоревые.

Вот начали разрывать бугорок и мертвое тело отрыли. Отец всплеснул руками, застонал, дочь несчастную узнал -- лежит она убитая, неведомо кем загубленная, неведомо кем зарытая. Добрые люди спрашивают: кто убил-загубил ее? А дудочка сама играет-выговаривает:

"Свет мой батюшка родимый, меня сестры в лес зазвали, меня, бедную, загубили за серебряное блюдечко, за наливное яблочко; не пробудишь ты меня от сна тяжкого, пока не достанешь воды из колодезя царского..." Две сестры-завистницы затряслись, побледнели -- а душа как в огне -- и признались в вине; их схватили, связали, в темный погреб замкнули до царского указа, высокого повеленья; а отец в путь собрался в город престольный.

Скоро ли, долго ли -- прибыл он в тот город. Ко дворцу он приходит; вот, с крыльца золотого царь-солнышко вышел, старик в землю кланяется, царской милости просит. Говорит царь: "Возьми, старик, живой воды из царского колодезя; когда дочь оживет, представь ее нам с блюдечком, с яблочком, с лиходейками-сестрами". Старик радуется, в землю кланяется и домой везет скляницу с живою водою; бежит он в лесок, на цветной бугорок, отрывает там тело. Лишь он спрыснул водой -- встала дочь перед ним живой и припала голубкой на шею отцу. Люди сбежались -- наплакались.

Поехал старик в престольный город, привели его в царские палаты. Вышел царь-солнышко; видит старика с тремя дочерями; две за руки связаны, а третья дочь -- как весенний цвет, очи -- райский свет, по лицу заря, из очей слезы катятся, будто жемчуг, падают. Царь глядит, удивляется; на злых сестер прогневался, а красавицу спрашивает: "Где ж твое блюдечко и наливное яблочко?" Тут взяла она ларчик из рук отца, вынула яблочко с блюдечком, а сама царя спрашивает: "Что ты, царь-государь, хочешь видеть: города ль твои крепкие, полки ль твои храбрые, корабли ли на море, чудные ль звезды на небе?"

Царь удивлен чудесами, а красавица льется слезами, перед царем в ноги падает, просит помиловать: "Царь-государь! -- говорит она. -- Возьми мое серебряное блюдечко и наливное яблочко, лишь прости сестер моих, за меня не губи ты их". Царь на слезы ее сжалился, по прошенью помиловал; она от радости вскрикнула, обнимать сестер бросилась.

Царь глядит, изумляется; взял красавицу за руки, говорит ей приветливо: "Я почту доброту твою, отличу красоту твою: хочешь ли быть мне супругою, царству доброю царицею?" "Царь-государь! -- отвечает красавица. -- Твоя воля царская, а над дочерью воля отцовская, благословенье родной матери. Как отец велит, как мать благословит, так и я скажу". Отец в землю поклонился; послали за матерью -- мать благословила. "Еще к тебе слово, -- сказала царю красавица: -- не отлучай родных от меня; пусть со мною будут и мать, и отец, и сестры мои". Тут сестры ей в ноги кланяются: "Недостойны мы!" -- говорят они. "Все забыто, сестры любезные! -- отвечает она им. -- Вы родные мне, не с чужих сторон; а кто старое зло помнит, тому глаз вон!"

Так сказала она, улыбнулась и сестер поднимала; а сестры в раскаяньи плачут, как река льются, встать с земли не хотят. Тогда царь им встать приказал, кротко на них посмотрел, во дворце остаться велел.

Царь во дворце; крыльцо все в огнях, как солнце в лучах; царь с царицей сели в колесницу; земля дрожит, народ бежит: "Здравствуй, -- кричит, -- на многие лета!"